

ДЕТЕКТИВ

СТРАННОЕ ДЕЛО В ДОМИКЕ У РЕКИ

Роман Фёдоров

Роман Фёдоров

Странное дело в домике у реки

<https://litres.ru/73121343>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тело предпринимателя Сергея Лапина находят в уединённом доме у реки. На первый взгляд — бытовой конфликт без сложных обстоятельств. Однако отсутствие следов взлома, исчезнувшее орудие убийства и противоречивые показания свидетелей заставляют следователя Илью Морозова усомниться в очевидных версиях.

Шаг за шагом расследование вскрывает прошлое Лапина — судебные конфликты, тайные финансовые сделки и страх, который он скрывал даже от близких. Каждый из причастных к его жизни оказывается связан с ним гораздо глубже, чем кажется сначала, а мотив убийства рождается не из ненависти, а из отчаянной попытки спастись.

«Странное дело в домике у реки» — это камерный детектив о выборе, ответственности и цене, которую приходится платить за желание сохранить свои тайны.

Содержание

Детективный роман	4
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Странное дело в домике у реки

Детективный роман

Все персонажи, организации, населённые пункты и события этого произведения вымышлены. Любые совпадения случайны.

ПРОЛОГ. 01:37

В половине второго Сергей Лапин перестал ждать.

Он погасил свет в гостиной, оставив только настольную лампу у окна, и несколько минут стоял за шторой, глядя на дорогу. Ночь была безлунной. За оградой начиналась низина, дальше темнели ивы, а за ними шла река — невидимая, но слышная. Лёд на Сивери ломался уже третий день. Тяжёлые пластины наползали друг на друга и с глухим скрежетом уходили под воду.

На столе лежали три вещи: старый кнопочный телефон, запечатанный конверт и флешка в красном пластиковом корпусе. Лапин то и дело переводил взгляд с одной на другую, будто пытался решить, какая из них опаснее.

В камине догорали два полена. Жар был слабый, но Сергей не подбрасывал дров. Ему казалось, что дым над крышей

заметят с дороги.

Телефон коротко завибрировал.

«Я у поворота. Один».

Лапин прочитал сообщение дважды, удалил его и только потом позволил себе вдохнуть. За последние недели он научился не верить ни словам, ни цифрам на экране, ни людям, которых знал много лет. Особенно людям.

Он подошёл к книжному шкафу, вынул из второго ряда том с выцветшим корешком и нащупал за ним маленький выключатель. Где-то в мастерской щёлкнуло реле. Если всё пойдёт по плану, копия архива уйдёт утром. Если нет — через двенадцать часов.

Снаружи хрустнула ветка.

Сергей замер. Шаги были осторожными, но человек не крался. Он шёл к дому так, словно имел право здесь находиться.

Лапин посмотрел на каминную полку. Между часами и фотографией сына стояла тяжёлая бронзовая фигурка цапли. Он взял её, подержал в руке и поставил обратно. Смешно. Пятьдесят четыре года, десятки договоров, люди, которым он когда-то одним звонком закрывал доступ к деньгам, — и теперь он прячется в собственном доме с сувениром вместо оружия.

В дверь постучали дважды. Пауза. Ещё один удар.

Условный знак.

Лапин убрал флешку в карман, но конверт оставил на сто-

ле. Подошёл к двери, снял цепочку.

На пороге стоял человек, которого он ждал.

— Ты всё-таки пришёл, — сказал Сергей.

— А у меня был выбор?

Гость вошёл, стряхнул с плеч капли дождя. От его одежды пахло мокрым металлом и чем-то аптечным. Лапин закрыл дверь и повернул ключ.

— У нас мало времени, — сказал он. — Они уже поняли, что я готовлю.

— Кто именно?

— Не делай вид, что не знаешь.

Человек посмотрел на конверт.

— Это всё?

— Нет. Это достаточно, чтобы открыть дверь. Остальное получают люди, которых вы не сможете купить.

— «Вы»?

Лапин впервые заметил, что гость не снял перчатки.

На реке что-то треснуло с такой силой, будто в темноте сломали огромное дерево. Сергей невольно обернулся к окну.

Этой секунды хватило.

ЧАСТЬ I

ТУМАН

Удобнее всего поверить в след, который оставили специально.

Глава 1. Туман над Сиверью

Тело нашли в шесть двадцать утра, когда туман ещё лежал над рекой плотным белым слоем. В такие часы Сиверь казалась неподвижной, хотя под молочной поверхностью шла быстрая мартовская вода, несла ветки, обломки льда и всё, что люди не успели убрать с берегов до оттепели.

Фёдор Костров вышел из своего дома с канистрой и ручным насосом под мышкой. Через десять минут он вернулся без насоса, постоял посреди двора, будто забыл, куда шёл, и позвонил участковому.

К девяти у домика Лапина стояли две машины, фургон экспертов и старая «Нива» деревенской администрации. Жители Бережков наблюдали из-за заборов. Никто не подходил близко, однако все уже знали, что в гостиной лежит хозяин, что его ударили по голове и что входная дверь была не заперта.

Старший следователь Илья Морозов приехал последним. Грунтовая дорога раскисла, служебная машина дважды села брюхом в колею, и последние двести метров ему пришлось идти пешком.

— Нашли утром? — спросил он участкового.

— Сосед. Костров. Пришёл одолжить насос. Говорит, дверь приоткрылась от толчка.

— До вас входил?

— Только в гостиную. Проверил пульс.

Морозов посмотрел на сапоги участкового, потом на грязные следы на крыльце.

— Все, кто успел здесь потоптаться, запишутся отдельно. Вместе с размером обуви.

Участковый виновато кивнул.

В доме было холоднее, чем снаружи. Камин погас, в воздухе смешались запахи сырой золы, вина и железа. Сергей Лапин лежал между креслом и каминной решёткой, повернувшись на правый бок. Левая рука была вытянута к столу. На виске запеклась кровь.

Судебный медик Елена Маркина присела рядом.

— Предварительно смерть между часом и тремя, — сказала она. — Точнее после вскрытия. Удар тяжёлым предметом, узкая плоская грань.

— Один?

— На первый взгляд один. Но отёк сильный. Я бы не спешила.

Морозов обошёл комнату. Кресло опрокинуто, у ковра лежал разбитый бокал. На столе — второй бокал, пустой и удивительно чистый. Ни отпечатка губ, ни капли на дне. Рядом стоял ноутбук с закрытой крышкой, лежал конверт без надписи. Денежник Лапина был в ящике, часы — на руке.

— Телефон? — спросил Морозов.

Эксперт-криминалист покачал головой.

— Не нашли.

— Орудие?

— Тоже.

На каминной полке стояли механические часы, остановившиеся на 01:47. За ними темнел след на пыльной стене, как будто часы недавно сдвигали. По другую сторону была семейная фотография: Лапин, женщина и мальчик лет двенадцати на морском берегу. Все трое щурились от солнца и улыбались.

Морозов нагнулся к телу. На манжете рубашки зацепилась тонкая синяя нить. Не шерсть, скорее синтетика. Он показал её эксперту.

— Отдельный пакет. И проверьте весь ковёр на волокна.

В мастерской за кухней царил порядок, не похожий на порядок гостиной. Там всё было живым: стружка на верстаке, банка с гнутыми гвоздями, раскрытый ящик с инструментами. Одно место в ящике пустовало. По форме — длинный прямоугольник.

— Строительный уровень, — предположил участковый, заглянув через плечо.

— Или ножовка в футляре. Не угадывайте, выясняйте.

Окна были закрыты изнутри. Следов взлома не нашли. У задней двери на коврике лежала свежая речная глина, но снаружи дорожка расплзлась от дождя и десятков чужих сапог.

Костров ждал у своего забора. Широкоплечий, с обветренным лицом и руками, которые казались слишком большими даже для его туловища. Он не курил, но несколько раз подносил пальцы ко рту, словно забывал, что бросил.

— Вы нашли Лапина? — спросил Морозов.

— Я.

— Зачем пришли?

— За насосом. Мотор у лодки воздух тянет.

— Насос у вас под мышкой был, когда вы шли к нему.

Костров взглянул на свой двор. Возле крыльца действительно лежал ручной насос.

— Это для топлива. У Сергея электрический был, помощнее.

Ответ прозвучал правдоподобно, но готово.

— Ночью что-нибудь слышали?

— Река шумела.

— Только река?

Костров задержал взгляд на доме Лапина.

— Машина проезжала. Поздно.

— Какая?

— Не видел. Свет по окнам прошёл.

— Во сколько?

— После часа. Может, ближе к двум.

— Выходили?

— Нет.

Морозов записал ответ. На сапогах Кострова засохла серая глина, такая же, как у задней двери. Впрочем, в Бережках другой почти не было.

— Вы с Лапиным дружили?

— Соседями были.

— Соседство бывает разным.

— Наше было тихим.

Костров говорил, глядя на реку. Когда Морозов спросил о семье убитого, рыбак назвал бывшую жену по имени и без запинки продиктовал её номер телефона.

— Откуда он у вас?

— Сергей оставлял. На случай, если с ним что.

— Давно?

— Месяца два назад.

Это было уже интереснее.

К полудню туман поднялся. На другом берегу показались чёрные стволы, крыши Бережков и старая насосная станция, закрытая после аварии много лет назад. Река не стала спокойнее — просто теперь было видно, как быстро она движется.

Морозов остановился у машины и ещё раз посмотрел на дом. Человек, который жил здесь, заранее оставил соседу телефон бывшей жены, держал два бокала и открыл дверь ночному гостю. Деньги не тронули. Телефон унесли. Из мастерской, возможно, пропал инструмент.

Версия просилась сама: знакомый, ссора, один удар.

Морозов не любил версии, которые просились сами. Одна такая уже стоила ему трёх лет жизни и другому человеку — всего остального.

• • •

В морге Маркина работала дольше обычного. Морозов

остался у стеклянной двери, пока она измеряла края травмы и диктовала ассистенту цифры. Елена не любила, когда следователи стояли над душой, но его терпела. Они познакомились на первом его деле и за пятнадцать лет научились понимать друг друга по паузам.

— Ты снова смотришь так, будто покойник должен извиниться за неудобство, — сказала она, не поднимая головы.

— Он оставил слишком удобную комнату.

— Удобную для кого?

— Вот это и хочу понять.

Маркина сняла перчатки и подошла к снимкам. Первый удар пришёлся вскользь; кость была повреждена, но не раздроблена. Рядом темнела другая линия, глубже, с иным углом. На окончательное заключение требовалось время, однако сомнение уже появилось.

— Ты ведь из-за Овчинникова? — спросила она.

Имя прозвучало неприятно, как металлический предмет на каменном полу.

Четыре года назад водитель Николай Овчинников признался в убийстве женщины. Назвал место, описал одежду, подписал протокол. Морозов торопился: город требовал результата, начальство хвалило быстрое раскрытие. Он не проверил, что детали Овчинников услышал от оперативника в коридоре. Через месяц мужчина покончил с собой в изоляторе. Настоящего убийцу нашли случайно два года спустя.

С тех пор Морозов не доверял признаниям, особенно по-

дробным. Люди признавались из страха, ради близких, от усталости, иногда потому, что им подсказывали историю, в которую легче войти, чем продолжать сопротивляться.

— Из-за него тоже, — ответил он.

— Осторожность полезна. Вина — нет. Она заставляет видеть подвох даже там, где его нет.

— А ты видишь?

Маркина снова посмотрела на снимки.

— Я вижу два разных края. И след от удара на затылке, который не совпадает с положением тела. Возможно, Лапин после первой травмы ходил по комнате. Возможно, его перемещали. Пока это всё.

В коридоре ассистент передал Морозову пакет с содержимым карманов: ключи, носовой платок, две таблетки, сложенный чек из хозяйственного магазина. Лапин купил за день до смерти герметичный контейнер, пять метров цепи и аэрозольную синюю краску.

— Синий камень, — пробормотал Морозов, ещё не зная, почему эти слова пришли в голову.

На обороте чека карандашом стояло: «Низкая вода — 3 марта».

До третьего марта оставалось четыре дня.

Глава 2. Женщина, которая не плакала

Анна Лапина жила на третьем этаже пятиэтажного дома в Зареченске. Когда Морозов позвонил, она открыла сразу,

будто ждала в коридоре.

— Вы из полиции, — сказала она.

Не вопрос. Констатация.

На кухне пахло кофе и подгоревшим сахаром. У плиты остывала кастрюля, рядом лежало полотенце с тёмной подпалиной. Морозов отметил это машинально: человек, который говорит, что спокойно воспринял известие о смерти, полчаса назад забыл выключить огонь.

— Мне позвонил Фёдор, — объяснила Анна. — Сказал, что Сергея нашли.

— Фёдор Костров?

— Да.

— Вы хорошо его знаете?

— Видела несколько раз. Сергей просил оставить ему мой номер на случай болезни.

Она поставила чашку перед Морозовым, но себе кофе не налила. Села напротив, сцепила пальцы. Ей было сорок шесть; тёмные волосы собраны в небрежный хвост, под глазами синеватые тени. Женщина не выглядела ни скорбящей вдовой, ни освобождённой пленницей. Скорее человеком, который слишком долго представлял этот разговор и теперь боялся ошибиться в деталях.

— Когда вы виделись с Сергеем в последний раз?

— Два года назад.

Она ответила быстро. Морозов не поднял головы от блокнота.

— А разговаривали?

— Месяца три назад. Он позвонил сам.

— О чём?

— Спрашивал про Даниила. Где учиться, приезжает ли домой.

— Раньше не интересовался?

Анна усмехнулась, но улыбка не задержалась.

— Сергей интересовался только тем, что мог контролировать. Когда сын выбрал художественный институт, он решил, что контролировать больше нечего.

— Из-за этого они поссорились?

— Это была последняя ссора. Не первая.

Морозов попросил рассказать о браке. Анна говорила без лишних подробностей: фирма, первые большие деньги, партнёры, ночные звонки, конверты, которые Сергей не разрешал открывать. Потом проверки, суд с Селезнёвым, угрозы. В какой-то момент муж стал запирает кабинет даже от семьи.

— Вы работали у него бухгалтером?

Пальцы Анны разжались.

— В самом начале. Лет пятнадцать назад.

— Почему ушли?

— Родился Даниил.

— Только поэтому?

Она посмотрела на окно. На подоконнике стояли три горшка с розмарином, все повёрнуты к стеклу одинаковой

стороной.

— Потому что перестала понимать, чем занимается мой муж.

— Или поняли слишком хорошо?

Анна впервые посмотрела прямо на него.

— Следователь Морозов, Сергей был умным, сильным и очень опасным человеком. Но если вы хотите услышать, что я желала ему смерти, я вас разочарую. Я желала, чтобы он оставил нас в покое. Это другое.

— Где вы были минувшей ночью?

— У сестры. Мы отмечали её день рождения. Осталась ночевать.

Она назвала адрес, имена и время. С восьми вечера до семи утра. Алиби выглядело безупречно, словно его тоже готовили заранее.

— У Сергея остались враги?

— У Сергея почти не осталось друзей.

— Он собирался уехать?

Анна чуть заметно вздрогнула.

— Не знаю.

— Костров говорит, он хотел продать дом.

— Тогда, вероятно, хотел.

— Почему вы удивились?

— Не удивилась.

Морозов закрыл блокнот.

— Вы не плачете.

— Это имеет значение для протокола?

— Для протокола — нет.

Анна поднялась и повернулась к раковине. В отражении тёмного окна её лицо на секунду стало старше.

— Я выплакала всё, что было связано с Сергеем, ещё при его жизни.

В прихожей Морозов заметил на нижней полке пару женских ботинок. Подошвы были чистыми, но кожа по краям ещё влажная. На светлом коврике под ними осталась одна серая песчинка.

— Вы сегодня выходили?

Анна проследила за его взглядом.

— За хлебом. До вашего звонка.

— Магазин открывается в восемь.

— Я ходила в круглосуточный.

Она не отвела глаз. Морозов попрощался и спустился во двор.

В машине его ждал звонок Маркиной.

— Илья, предварительное время смерти сдвигается, — сказала судмедэксперт. — Желудок почти пуст, температура ниже ожидаемой. В доме всю ночь было холодно, так что пока осторожно: между полуночью и двумя.

— Что с ударом?

— На вскрытии посмотрю. Есть странность: края раны неодинаковые.

— В смысле?

— В том смысле, что я не уверена, что предмет был один. Морозов посмотрел на окна квартиры Анны. Штора на кухне шевельнулась и сразу замерла.

— Позвони, как только будешь уверена.

Он завёл двигатель, но не уехал. Через минуту дверь подъезда открылась. Анна быстро вышла, огляделась и направилась не к магазину, а к припаркованной за углом машине. За рулём сидел мужчина в тёмной куртке.

Морозов успел увидеть профиль водителя.

Фёдор Костров.

• • •

Морозов не поехал за машиной Кострова сразу. Подождал, пока она свернёт за угол, и только потом тронулся. Фёдор вёл осторожно, соблюдал скорость, дважды пропустил пешеходов. Люди, которые спешат скрыться, иногда ведут себя образцово.

Машина остановилась у пустого сквера. Анна пересела на переднее сиденье. Морозов оставил свою машину за автобусной остановкой и подошёл по другой стороне улицы.

Через закрытые стёкла слов не было слышно, но жесты говорили достаточно. Анна требовала чего-то, Костров отрицал. Потом она показала ему телефон. Фёдор прочитал сообщение и ударил кулаком по рулю. Морозов успел снять экран через длиннофокусную камеру: текст расплылся, различались только последние слова — «...сын ответит первым».

Костров вышел покурить. Анна осталась в салоне, опустив

голову. Через минуту Фёдор набрал номер.

— Она у меня, — сказал он. — Нет, пока ничего не отда-
ла... Я понимаю... Даниил не должен узнать.

Он заметил Морозова не глазами, а отражением в боко-
вом зеркале. Разговор оборвался. Фёдор медленно убрал те-
лефон.

— Следить нехорошо, Илья Андреевич.

— Убивать хуже.

— Тогда ищите убийцу.

Анна вышла из машины.

— Фёдор ни при чём. Я попросила встретиться.

— Покажите сообщение.

— Личная переписка.

— Там угроза вашему сыну.

Её лицо изменилось. Костров выругался вполголоса.

Сообщение пришло с виртуального номера: «Сергей на-
рушил условие. Книга возвращается сегодня. Иначе сын от-
ветит первым». В приложении была фотография Даниила у
института, сделанная тем утром.

— Какая книга? — спросил Морозов.

— Не знаю, — ответила Анна.

Костров сказал одновременно:

— Старая бухгалтерия.

Они посмотрели друг на друга.

— Значит, знаете, — произнёс Морозов.

Анна забрала телефон.

— Я ничего не буду объяснять без адвоката.

— Ваше право. Но тот, кто прислал фотографию, рассчитывает, что вы испугаетесь раньше, чем попросите защиту.

— А вы защитите? — спросила она. — Так же, как защищаете Сергея сейчас?

Вопрос был несправедливым и точным. Морозов предложил охрану Даниилу и Анне. Она отказалась, но Фёдор настоял хотя бы на патруле у института.

Когда они разошлись, Морозов проверил номер, на который звонил Костров. Сим-карта была зарегистрирована на давно закрытую строительную фирму. Её последним системным администратором числился Андрей Руденко.

Пока это ничего не доказывало. Но в деле впервые появилась фамилия человека, которого никто не называл подозреваемым.

Глава 3. Сын

Даниил Лапин приехал утренним поездом. Высокий, худой, с рюкзаком и картонным тубусом для рисунков, он был похож на отца линейей подбородка и непохож всем остальным. Сергей Лапин входил в комнату так, будто уже владел ею. Даниил останавливался у двери, словно заранее извинялся за занятое пространство.

Морозов встретил его на платформе.

— Мама сказала, вы хотите поговорить, — произнёс парень.

— Хочу. Но сначала отвезу вас домой.

В машине Даниил смотрел на город. Зареченск был серым после ночного дождя, на остановках стояли люди с поднятыми воротниками, из пекарни у вокзала тянуло хлебом.

— Давно не виделись с отцом?

— Месяц.

Морозов повернул голову.

— Ваша мать сказала — несколько лет.

— Мама не знала.

— Почему вы скрыли встречу?

— Потому что она бы запретила.

Даниил сжал пальцами край тубуса.

Отец позвонил ему в конце января и попросил приехать. Не извинился, не спросил об учёбе. Сказал только: «Есть разговор, который нельзя вести по телефону».

— Он думал, что за ним следят, — продолжил Даниил. — Трижды видел одну машину у поворота. Серую, без переднего номера.

— Вы её видели?

— Когда уезжал. Не уверен, что ту же. Она стояла возле закрытой заправки.

— Марка?

— Не разбираюсь. Нарисовать могу.

Это был первый ответ за утро, в котором прозвучала уверенность.

— Нарисуйте.

Даниил вытащил из рюкзака блокнот и несколькими линиями обозначил кузов, форму фар, скол на левом крыле. Морозов узнал старую «Шкоду». Рисунок был точнее словесного описания большинства свидетелей.

— О чём говорил отец?

— Сказал, что совершил ошибку. Потом начал объяснять, что иногда человек вынужден выбирать между плохим и худшим. Я спросил, кого он обманул на этот раз. Он разозлился.

— Вы поссорились?

— Как всегда.

Сергей хотел, чтобы сын бросил институт и вернулся в Зареченск. Обещал деньги, мастерскую, квартиру. Взамен Даниил должен был помочь разобрать старые архивы и «перевести всё в картинки, которые никто не поймёт».

— Что это значит?

— Не знаю. Я решил, что он снова играет. Уехал.

— И больше не общались?

Даниил посмотрел на собственные руки.

— Он прислал одно сообщение: «Если со мной что-то случится, не верь тому, что скажут первым».

— Сообщение сохранилось?

— Я удалил.

— Зачем?

— Потому что был зол.

Парень говорил правду не полностью. Морозов видел это не по глазам — глаза люди контролируют, — а по тому,

как Даниил держал тубус. При каждом вопросе о последней неделе пальцы сжимались сильнее.

Они поехали в Бережки после полудня. Дом был опечатан, но Морозов разрешил Даниилу войти вместе с ним. Парень остановился в гостиной, посмотрел на тёмное пятно у камина и побледнел.

— Можно не подходить, — сказал Морозов.

— Я и не собирался.

Даниил взял семейную фотографию. На снимке ему было двенадцать. Он рассказал, что море отец не любил, но в тот год согласился на отпуск, потому что Анна пригрозила уйти. Через полгода Сергей снова пропадал неделями.

— Какой он был на самом деле? — спросил Морозов.

— Разный. В этом и проблема.

В мастерской Даниил сразу заметил пустое место в ящике.

— Здесь лежал уровень. Длинный, металлический. Отец запрещал его брать.

— Почему?

— Не знаю. На нём была выцарапана фамилия Кострова. Морозов запомнил.

Даниил прошёл к дальней стене. Там висела небольшая акварель: река в зимнем тумане, два дерева и красная крыша насосной станции на другом берегу. Парень снял рисунок, посмотрел на оборот и быстро вернул.

— Что там?

— Ничего.

— Покажите.

На обороте карандашом было написано: «Три ивы. Низкая вода. Синий камень».

— Это ваша работа?

— Да. Я рисовал лет в четырнадцать.

— Надпись ваша?

— Нет. Отца.

Уже на улице Морозов спросил, где Даниил был в ночь убийства.

— В общежитии. В другом городе.

— Кто подтвердит?

— Сосед по комнате.

Телефон Морозова завибрировал. Самарин прислал короткое сообщение: «По камерам вокзала. Д. Лапин купил билет только сегодня. Но два дня назад его банковская карта оплачивала бензин в 27 км от Бережков».

Морозов убрал телефон.

— Вы уверены, что приехали сегодня впервые?

Даниил посмотрел на него так же прямо, как отец на старой фотографии.

— Да.

Теперь он лгал уже наверняка.

• • •

Морозов не стал задерживать Даниила у дома. Вместо этого попросил Самарина проверить все способы, которыми парень мог добраться до Бережков, не покупая билет. Через час

нашли водителя попутки: тот вспомнил худого пассажира с тубусом, вышедшего у закрытой заправки в день убийства.

— Почти не говорил, — рассказал водитель. — Только спросил, ходит ли паром. Я сказал, какой паром в марте, лёд ещё тащит.

Запись с магазина при заправке показала Даниила в 23:58. Он купил кофе, батарейки и перчатки, потом долго смотрел на экран телефона. На улице за ним наблюдал человек из серой машины. Лицо закрывала стойка, но на рукаве был светлый прямоугольник — место под служебную нашивку.

Морозов показал кадр Даниилу.

— Вы его видели?

— Нет.

— Он следил за вами.

— Значит, плохо следил.

Парень пытался шутить, но голос дрожал. Морозов предложил охрану.

— Мама согласилась?

— Ваша мать отказывается от всего, что не может контролировать.

— Тогда вы быстро нашли общий язык.

На этот раз усмехнулся Морозов.

— Почему отец выбрал именно рисунки?

Даниил ответил не сразу. В детстве Сергей часто уезжал и возвращался с подарками, которые не умел выбирать. Однажды привёз дорогой набор акварели и попросил сына на-

рисовать карту семейной поездки. Каждый день они обозначали своим цветом. Это была редкая неделя, когда отец включал телефон за ужином.

— Потом он использовал тот же код для денег, — сказал Даниил. — Когда понял, что я помню цвета.

— Вы уверены, что не помогали ему?

— Помогал. Только не знал чему. Он присылал номера договоров и просил подобрать оттенки. Говорил, что делает подарок маме. Мне было шестнадцать.

— Поэтому боитесь флешки?

— Потому что где-то есть файлы, которые выглядят так, будто я участвовал добровольно.

Морозов посмотрел на него внимательнее. Ложь Даниила переставала быть простой попыткой скрыть ночной визит. Парень боялся не только обвинения в убийстве, но и наследства, которое отец оставил в документах.

— У вашего отца была привычка записывать разговоры?

— Он записывал всех. Даже семейные ссоры. Говорил, память людей слишком удобная.

— Где хранил?

— На телефоне. Потом переносил на диски.

Пропавший телефон становился важнее ноутбука.

Уходя, Даниил остановился у двери.

— Если найдёте запись нашей последней встречи, не верьте тому, что услышите в начале.

— Почему?

— Потому что отец умел довести человека до слов, которые ему нужны.

— А конец записи?

— Конец можете слушать.

Глава 4. Следы к воде

Костров не удивился, когда его вызвали повторно. Пришёл без адвоката, снял мокрую куртку и аккуратно повесил на спинку стула.

— Вы встречались сегодня с Анной Лапиной, — сказал Морозов.

— Она позвонила. Испугалась.

— Чего?

— Вас.

— Почему ей бояться следователя, если она всю ночь была у сестры?

Костров пожал плечами.

— У неё спросите.

На стол легли фотографии следов у задней двери. Сорок третий размер, глубокий износ внешнего края каблука. Эксперт нашёл такой же рисунок на сапогах Кострова.

— Я был у Сергея вечером, — признал он. — Часов в девять.

— В первый раз вы этого не сказали.

— Не хотел лишних вопросов.

— Зачем приходили?

— Он продавал дом. Предложил мне.

Цена оказалась почти вдвое ниже рыночной. Лапин хотел наличные и обещал оформить сделку через неделю. Костров согласился, хотя таких денег у рыбака, по данным налоговой, быть не могло.

— Откуда средства?

— Накопил.

— За сколько лет?

— За жизнь.

— А ночью вы вернулись?

— Нет.

— Уровень из мастерской принадлежал вам?

Костров впервые потерял спокойствие. Повернул голову к окну, задержал дыхание.

— Когда-то мой был. Дал Сергею.

— На нём ваша фамилия.

— И что?

— Его нет в доме. Лапина ударили металлическим предметом с плоской гранью.

Костров медленно провёл ладонями по коленям.

— Ищите уровень.

— Мы ищем.

После допроса Морозов и Самарин поехали в Бережки. Оперативник был моложе на восемь лет, говорил быстро, водил ещё быстрее и обладал редким талантом узнавать о человеке то, что тот не успел скрыть.

— Костров пятнадцать лет назад работал бригадиром у Лапина и Селезнёва, — сообщил он. — Не просто сосед. Потом фирма закрылась, он исчез из официальных ведомостей и вдруг поселился через участок от бывшего хозяина.

— Анна?

— Её сестра подтверждает день рождения, но есть нюанс. Анна приехала к десяти, ушла около полуночи. Вернулась в четыре сорок. Сестра соврала, потому что её попросили.

— Камеры?

— У подъезда нет. На перекрёстке засветилась машина Кострова в ноль двадцать две. Ехала к реке.

У берега криминалисты нашли цепочку смазанных следов. Она начиналась возле дома Лапина, спускалась к воде и исчезала у старого причала. В глине отпечатался край длинного предмета, будто его волокли или несли, иногда задевая землю.

Кострова дома не было. Его лодка тоже исчезла.

Морозов прошёл в незапертый сарай. На стене висели сети, спасательный круг, два весла. В углу стояла канистра с бензином. Под верстаком он увидел пустой чехол из плотной ткани — длинный, с надписью выцветшим маркером: «Ф. К.».

Самарин присвистнул.

— Красиво складывается.

— Слишком красиво.

— Ты всегда так говоришь, когда подозреваемый сам

оставляет стрелки.

— Именно поэтому и говорю.

На обратном пути к машине Морозов заметил на влажной земле второй след. Уже и короче, чем сапог Кострова. Рифлёная подошва городской обуви, примерно сорок первый размер. След шёл от дороги к дому, но обрывался там, где утром прошли полицейские.

— Сфотографируй, — сказал Морозов. — И попроси снять слепок, если ещё возможно.

Телефон зазвонил. Маркина говорила из морга, на заднем плане звенел металл.

— Илья, я закончила первичный осмотр черепа. У Лапина две зоны повреждения. Они почти накладываются, поэтому на месте выглядело как одна.

— Два удара?

— Вероятнее всего. Первый — широкой плоской гранью, не смертельный. Второй — более узким и тяжёлым предметом. Он и стал причиной смерти.

Морозов посмотрел на реку. Из тумана донёсся звук мотора. Лодка Кострова появилась ниже по течению, сделала широкий круг и медленно пошла к причалу.

Фёдор сидел за рулём один. Увидев полицейских, не ускорился и не повернул обратно. Только опустил голову, словно человек, который наконец сделал то, за чем выходил на воду.

Когда лодка ткнулась носом в берег, Морозов спросил:

— Что выбросили?

Костров поднял на него красные от ветра глаза.

— Ничего, что вам поможет.

• • •

Лодку Кострова подняли на берег и осмотрели при нём. На полу лежала свежая речная трава, под сиденьем — моток тонкого троса и карабин. В носовом отсеке криминалист нашёл две капли крови.

Костров не отрицал, что кровь его: порезал ладонь о крючок. На руке действительно был свежий порез. Экспресс-тест не мог определить принадлежность, образец отправили в лабораторию.

В моторном отсеке обнаружился маленький приёмник, примотанный изолентой к корпусу.

— Это не моё, — сказал Фёдор.

Устройство оказалось маяком ближнего радиуса. Кто-то мог видеть, когда лодка выходит на реку и где останавливается. Костров смотрел на него с выражением человека, который наконец понял, почему его шаги всегда знали заранее.

— Лапин поставил? — спросил Морозов.

— Сергей любил страховки. Но этот новый.

На корпусе сохранился серийный номер. Такие маяки закупала лаборатория управления для слежения за вещественными доказательствами при контрольных перевозках.

— Руденко? — спросил Самарин позже.

— Или любой с доступом к складу.

— Ты способен назвать его подозреваемым без слова

«или»?

— Когда будет достаточно.

Морозов вернулся на причал после заката. Вода поднялась на восемь сантиметров. На корнях ив застревали куски серого льда. Он прошёл по маршруту Кострова, представляя ночь: удар, паника, лодка, уровень за бортом. Потом кто-то следит по маяку, ждёт, пока Фёдор уйдёт, находит предмет и переносит ближе к берегу.

Для этого требовалось точно знать, что произошло в доме. Значит, второй человек либо видел ссору, либо услышал о ней от Лапина.

На влажной доске причала Морозов заметил маленькое углубление, круглое, с насечкой по краю. Рядом лежала крупинка синей краски. Такой след мог оставить металлический наконечник трости, штатива или специального кейса.

Руденко носил оборудование в жёстком кейсе на выдвижной ручке.

На другом берегу вспыхнул свет в окне насосной станции. Здание считалось обесточенным.

Морозов позвонил участковому и попросил проверить, кто имеет доступ к объекту. Ответ пришёл быстро: комиссия по паводку, муниципальная охрана и технический специалист по системе наблюдения.

Андрей Руденко.

Через минуту свет погас.

Глава 5. Бывший партнёр

Офис Виктора Селезнёва занимал две комнаты в здании, которое помнило лучшие времена. На фасаде сохранились крепления от дорогой вывески, а в холле пахло пылью и дешёвой краской. Половину этажей сдавали под склады и ремонт телефонов.

Сам Селезнёв выглядел так, словно упадок происходил с кем угодно, только не с ним: серый костюм, безупречная рубашка, дорогие часы. Морозов заметил потёртость на ремешке и старый ноутбук на столе. Человек держался за привычный образ дольше, чем за собственный бизнес.

— Сергей всегда любил красивые выходы, — сказал Селезнёв, выслушав вопрос о смерти бывшего партнёра. — Даже из жизни ушёл так, чтобы всем пришлось разбираться.

— Вы говорите без сожаления.

— Я давно истратил на него все чувства.

Пятнадцать лет назад они начинали с поставок строительных материалов. Потом получили городской контракт на укрепление берега, построили склады, зашли в дорожные работы. Деньги росли быстрее, чем доверие. В какой-то момент Лапин вывел активы на несколько фирм, а Селезнёв остался с долгами и уголовной проверкой, которая закончилась ничем.

— Вы угрожали ему после суда, — напомнил Морозов.

— Сказал, что он пожалеет. Если бы за каждую такую фразу сажали, Зареченск пришлось бы обнести колючей

провоолокой.

— Где вы были с полуночи до двух?

— Сначала в ресторане «Парус», потом дома. Камеры подтвердят.

— Между рестораном и домом двадцать семь минут. До Бережков можно доехать за двадцать две.

Селезнёв улыбнулся.

— Значит, вам будет чем заняться.

Он не отрицал, что видел Лапина неделю назад. Сергей сам назначил встречу и предложил обмен: старые документы в обмен на деньги и помощь с отъездом.

— Какие документы?

— Те, из-за которых некоторые уважаемые люди перестанут быть уважаемыми.

— Имена.

— Я не самоубийца, Морозов.

— Лапин уже мёртв.

— Именно.

Следователь встал, но Селезнёв остановил его:

— Проверьте программу «Чистый берег». Не рекламные буклеты, а акты приёмки за две тысячи двенадцатый и две тысячи тринадцатый. И спросите, почему одна и та же партия бетона трижды меняла марку, не сходя со склада.

— Откуда вы знаете?

— Я за неё заплатил.

— В каком смысле?

— В прямом. Мою фирму назначили виновной, когда подпорная стенка у старой насосной станции дала трещину. А материал принимал не я.

Селезнёв подошёл к окну. Во дворе рабочие катили тележку с коробками, обходя лужи.

— Сергей умел делать так, чтобы подписи ставили другие. Но в последние месяцы он вдруг решил вспомнить совесть. Поздновато.

— Почему сейчас?

— Потому что этой весной вода будет высокой. Если старый участок дамбы не выдержит, Бережки окажутся первыми.

В коридоре Морозова догнала секретарь. Незаметно сунула сложенный листок.

— Виктор Николаевич не знает, — прошептала она. — Вчера к нему приходил человек. Они кричали про Лапина. На листке был номер серой «Шкоды».

Той же модели, которую нарисовал Даниил.

Проверка дала владельца через пятнадцать минут. Машина числилась за управлением внутренних дел и была закреплена за технической лабораторией. Пользовался ею эксперт Андрей Руденко.

Морозов уже встречал его — спокойного мужчину с мягким голосом, который утром забрал ноутбук Лапина на исследование.

— Совпадение? — спросил Самарин.

— Пока да.

— А когда перестанет?

— Когда Руденко соврёт.

• • •

Алиби Селезнёва оказалось хорошим, но не безупречным. Камера ресторана показала, как в 23:41 он выходит через главный вход. Домашняя система зафиксировала открытие ворот в 00:29. Между двумя точками оставалось сорок восемь минут — достаточно, чтобы доехать до Бережков, но недостаточно, чтобы вернуться, если не превышать скорость.

Самарин нашёл штраф с дорожной камеры: в 00:04 машина Селезнёва шла сто двадцать километров в час в противоположную от реки сторону. За рулём сидел сам Виктор. Он действительно ехал домой.

— Слишком удачно попался, — сказал Морозов.

— Подозревать человека из-за хорошего алиби — уже профессиональная деформация.

— Я не подозреваю. Проверяю, не построил ли он алиби заранее.

Они вернулись в офис без предупреждения. Секретарь Селезнёва, Ольга, собирала вещи в коробку. На столе лежало заявление об увольнении.

— Виктор Николаевич сказал закрыть офис до конца недели, — объяснила она. — Он уезжает.

— Куда?

— Не знаю.

В корзине для бумаги Морозов заметил полосы от уничтожителя. Документы восстановили прямо на полу, раскладывая фрагменты. Получилось письмо Лапина: «Виктор, если я не успею, ищи оригинал там, где Артём ошибся в уровне».

— Почему уничтожили?

Ольга заплакала. Селезнёв приказал сжечь всю переписку с Лапиным, но она не смогла — боялась, что потом обвинят её.

— Вчера к нему приходил Руденко, — сказала она. — Виктор Николаевич требовал вернуть диск. Андрей ответил: «Сергей уже выбрал сторону. Скоро выбирать будет некому».

— Селезнёв угрожал Лапину?

— Он кричал, что Сергей снова пытается использовать всех. Но когда узнал о смерти, его вырвало в кабинете. Потом он заперся и сидел без света.

Морозов заглянул в ящик стола. Там лежала старая фотография двух молодых мужчин на стройке. Лапин обнимал Селезнёва за плечо. На обороте Виктор написал: «До первых больших денег».

Ненависть редко существует отдельно от прежней близости. Селезнёв потерял не только бизнес — он потерял человека, которому когда-то доверял. Это делало его опасным, но не обязательно убийцей.

Перед уходом Ольга вспомнила ещё одну фразу Руденко: «Вода закроет старые счета лучше любого суда».

Тогда слова показались ей угрозой Лапину. Теперь Морозов подумал о дамбе.

Глава 6. Чёрная бухгалтерия

Андрей Руденко встретил их в лаборатории. На нём был синий рабочий жилет поверх серой рубашки, тонкие перчатки и очки без оправы. Говорил он негромко, почти извиняясь, как человек, привыкший объяснять технику тем, кто всё равно не поймёт.

— Ноутбук защищён двумя паролями, — сказал он. — Первый сняли. Второй ломаем. Есть зашифрованный контейнер и следы удалённого подключения.

— Кто-то входил после смерти Лапина?

— Попытка была в четыре двенадцать. Неуспешная.

— Откуда подключались?

— Через цепочку серверов. Точно определить трудно.

Морозов положил на стол рисунок Даниила и номер автомобиля.

— Ваша машина?

Руденко взглянул без заметного удивления.

— Служебная. Ею пользуются трое.

— В конце января она стояла возле Бережков.

— Я осматривал камеры на насосной станции. По заявке районной администрации.

— Ночью?

— Днём. Если речь о другой дате, посмотрите путевые ли-

сты.

Ответ был аккуратным. Не готовым — именно аккуратным.

— Вы встречались вчера с Селезнёвым?

Руденко снял очки, протёр край линзы.

— Он просил восстановить данные с диска. Частный заказ. Я отказался.

— Кричали о Лапине?

— Кричал он. Сказал, что Лапин всё равно успел сделать копию.

— Копию чего?

— Не уточнил.

За спиной эксперта на вешалке висела лёгкая куртка того же синего цвета, что и нить на манжете убитого. Морозов не стал смотреть слишком долго.

К вечеру Руденко позвонил сам: контейнер открыт.

На экране появились таблицы с датами, суммами, названиями фирм и короткими пометками. Деньги проходили через поставщиков щебня, охранные предприятия, ремонтные бригады, а затем исчезали в обналичивании. Общая сумма за восемь лет превышала сто восемьдесят миллионов.

— Это только то, что он хранил на ноутбуке, — сказал Руденко. — По структуре видно, что часть листов удалена.

В списке посредников третьим стоял Фёдор Костров. Он получал наличные и передавал пакеты людям с кодовыми обозначениями: «Мэрия», «Техник», «Л. Б.».

— Расшифровать можно? — спросил Самарин.

— Если найдём справочник.

Последняя запись была сделана за два дня до убийства:
«Архив готов. Передать следствию. Контакт подтверждён».

— Какому следствию? — спросил Морозов.

— Не знаю, — ответил Руденко.

Он щёлкнул по соседней папке раньше, чем Морозов успел назвать её. На экране открылся черновик письма: «Если со мной что-то случится, файл должен попасть тем, кто не станет закрывать дело первым признанием».

Морозов медленно повернул голову.

— Вы знали название папки?

— Увидел в списке.

Список был свёрнут.

Руденко заметил это, улыбнулся с усталостью.

— Мы работаем с образом диска с утра, Илья Андреевич.
Я открывал её раньше.

Объяснение годилось. Но Морозов запомнил и его.

На выходе он задержался у стеклянной двери лаборатории. В отражении увидел, как Руденко достал телефон и сразу набрал номер. Говорил он меньше минуты. Потом подошёл к окну и задёрнул жалюзи.

Через час управление программы «Чистый берег» сообщило, что архив актов за нужные годы уничтожен из-за аварии трубы. Ещё через десять минут начальник Морозова, полковник Юрий Громов, потребовал не распыляться на ста-

рые муниципальные контракты.

— У тебя есть Костров, его следы и пропавший уровень,
— сказал Громов. — Найди железку, получи признание и не устраивай крестовый поход.

— Пока у меня два удара разными предметами.

— На месте Маркина говорила про один.

— На месте она не вскрывала череп.

Громов снял очки.

— Илья, я помню Овчинникова. Ты теперь в каждом признании ищешь подвох. Это понятно. Но иногда убийца — просто человек, который признаётся в убийстве.

— Костров ещё не признался.

— Признается.

Уверенность начальника Морозову не понравилась больше, чем приказ.

• • •

Вечером Маркина позвала Морозова в маленькую комнату отдыха при морге. На столе стояла лапша в пластиковом контейнере, но оба забыли о ней через минуту.

Елена разложила снимки микроследов. В ране Лапина нашли частицы двух металлов. Первые — алюминиевый сплав, типичный для строительного уровня. Вторые — медь и олово, то есть бронза.

— В гостиной была бронзовая цапля, — вспомнил Морозов.

— Была?

— На старых семейных фотографиях каминной полки она есть. На снимках места преступления — только чистый прямоугольник в пыли. В описи фигурка не значится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.